

Осенью пятого года правления под девизом Тяньбао молодой император в тайном письме пообещал в то время находившемуся в далёких заснеженных северных краях Шаншань Ху: «Я произведу обмен и верну Сяо Эня на родину». Поэтому прославленный генерал своего поколения Шаншань Ху оставил северную заставу, где командовал более десяти лет, и, взяв с собой личную гвардию во главе с Тань У, вернулся в столицу. Он верил, что слова сына Неба не пустой звук.

В итоге Сяо Эня обменяли, но император не согласился его отпустить, потому что хотел узнать секрет Сяо Эня.

В то же время вдовствующая императрица хотела убить Сяо Эня, потому что Ку Хэ не желал, чтобы секрет Сяо Эня узнал кто-то ещё.

Из-за пристального надзора со стороны стражей в парчовых одеждах у Шаншань Ху в столице не было надёжной поддержки, но, учитывая его ратные подвиги и славу, будь то вдовствующая императрица или император, оба вынуждены были считаться с ним и не могли себе позволить загнать его в угол. Такое развитие событий было крайне нежелательно для двора Северной Ци, поэтому, как только появлялась возможность ослабить влияние и авторитет Шаншань Ху, они ни за что не могли её упустить.

Например, сегодня.

Шэнь Чжун, мрачно наблюдавший за стоявшим у повозки Тань У, знал, что хотя в том, что произошло, Шаншань Ху нельзя будет признать виновным, но если им удастся арестовать личного стража Шаншань Ху, то в военных кругах его авторитету будет нанесён сокрушительный удар. Сговор с Южной Цин — это серьёзная вина для любого военного Северной Ци.

И тут вдруг Тань У склонил голову набок и заругался:

— Будь прокляты эти цинские южане!

Шэнь Чжун едва заметно улыбнулся:

— Тот грохот, что я слышал до этого... Кроме третьего отдела Контрольной палаты Южной Цин, разве кто-то ещё может сделать подобные взрывающиеся штуки? Южане из Цин помогали генералу Тань устроить побег Сяо Эня, это неоспоримо.

Но кто мог знать, что Тань У не обратит на него внимания, а обернётся к своим девяти подчинённым. Личная гвардия командующего была взрошена Тань У, сегодня ночью уже и так погибло немало товарищей, и если бы южане не нарушили своего обещания, то сейчас наверняка они смогли бы уже все вместе успешно убежать.

Он повернул голову, посмотрел на Шэнь Чжуна и вдруг поклонился:

— Прошу господина Шэнь Чжуна передать мои слова.

— Какие слова? — Шэнь Чжун не хотел быть слишком резким, потому что всё ещё надеялся, а вдруг их удастся взять живыми.

— Меня убил Фань Сянь!

Будучи самым близким доверенным лицом командующего, Тань У, конечно, знал о всех заинтересованных в данном плане сторонах. Фань Сянь являлся преемником главы Контрольной палаты и сейчас как раз был в столице: конечно, среди всех остальных участников спектакля его роль была слишком очевидной. Когда он свирепо выкрикнул имя Фань Сяня, то около ста присутствующих ясно расслышали, сколько злобы и негодования было в его голосе.

Но на лице у сидящего на дереве Фань Сяня ровным счётом ничего не отразилось, словно он ничего не услышал. Однако он прекрасно знал, что Шаншань Ху наверняка поймёт, какую бесславную роль он играл в побеге, к тому же учитывая, с каким бешенством Тань У выкрикнул его имя перед самой смертью.

Как только прозвучали слова Тань У, он развернул запястье, и блеснувшее как снег лезвие меча взметнулось вверх, срезая ему щёки! Меч в руке Тань У снова повернулся и, полоснув шею, срезал ему голову, которая упала на землю!

Сразу вслед за эти одновременно раздалось ещё девять таких же звуков, и девять голов в брызгах крови покинули тела людей в чёрных одеждах и покатались по земле. В глазах Тань У застыл гнев, его лицо превратилось в кровавое месиво. Душераздирающее зрелище — его покотившаяся голова без лица наконец застыла на месте.

Очень странно, но Шэнь Чжун вовсе не попытался не дать им покончить с жизнью, а лишь молча наблюдал за этим. Прошло много времени, прежде чем он наконец тихо сказал:

— Все они смельчаки и герои нашей родины, как жаль, что они расстались с жизнью из-за коварства Южной Цин. Они прожили достойную жизнь, их нужно похоронить с почестями.

В то время как Тань У срезал себе лицо и расстался с жизнью, у сидящего высоко на дереве Фань Сяня слегка задрожало сердце, а когда его острейший слух позволил ему расслышать слова Шэнь Чжуна, он понял, насколько тот не прост.

Все помогавшие Сяо Эню сбежать уже умерли, и только одинокая повозка осталась стоять в

окружении стражи в парчовых одеждах. Все знали, что стража в парчовых одеждах уважает основателя их секретной службы Сяо Эня и этот уже давно не такой удалой, как в молодости, старик сейчас находится в повозке.

И вдруг без всякого предупреждения крыша повозки вспыхнула пламенем!

Из-за силы пламени в один момент повозка превратилась в огненную клетку, лошади в упряжке испугались, мундштук во рту не давал им заржать, и они припустили вперёд, везя за собой повозку. Блеснули мечи и двум лошадям снесли конечности, их туши беспомощно повалились на землю, заливая всё кровью.

Шэнь Чжун безмолвно наблюдал за горящей повозкой, непонятно о чём думая. Заместитель командира Сяо глянул на него и немного взволнованно сказал:

— Господин, скорее прикажите потушить пламя, императору нужен живой Сяо Энь.

Шэнь Чжун слегка улыбнулся и помахал рукой, сдерживая желание подчинённого тушить пламя и подзывая его подойти поближе, а потом тихо сказал:

— Но императрица хочет, чтобы Сяо Энь умер. — На лице у заместителя Сяо отразился испуг, когда он понял, что его слова были слишком поспешными. А ещё он заметил, что на лице Шэнь Чжуна отразились странные чувства, и услышал, как тот говорил сам себе:

— После стольких лет заключения так и не смог выбраться на свободу. Смерть... возможно, тоже неплохой способ освободиться.

Языки пламени взмывали высоко в небо, немного погодя обгоревшая повозка развалилась на куски, которые упали на землю, поднимая в воздух клубы пепла и жара.

Когда пламя спало, специальные осмотрщики трупов из числа стражей в парчовых одеждах вышли вперёд и начали внимательно изучать человеческие останки в повозке. Очень скоро они пришли к заключению:

— Это Сяо Энь.

Шэнь Чжун кивнул и спросил:

— Переломы на ногах свежие?

— Да, этим переломам не больше двух месяцев.

— Зубы?

— Совпадает с тем, что было записано при приёмке у переправы У, не хватает трёх зубов.

На лице Шэнь Чжуна появилось удивительное выражение: похоже, он не смел поверить, что Сяо Энь вот так вот умер, и словно не знал, как показать на лице соответствующие эмоции. В любом случае его едва заметная улыбка была одновременно и немного странной, и немного равнодушной.

В южной стороне города в имении генерала Шаншань вышеупомянутый генерал разговаривал со своей женой. Перед супругами на столике лежал список подарков, а со двора доносились приглушённые звуки суматохи. Жена генерала расстроено сказала:

— Муж мой, в эти дни, что вдовствующая императрица празднует именины, вам никак нельзя покидать столицу, что же делать? — Обычно в это время в имении генерала уже тишина и покой, но по неизвестной причине сегодня даже жена генерала ещё не спала.

Выражение лица Шаншань Ху не изменилось, он низким голосом сказал:

— Конечно, никуда не уезжать.

— Но тогда подарки на именины... — Жена генерала наклонила голову, прося пояснений.

— Конечно, их готовить не нужно, ты лучше собери вещи в дорогу.

Во время их разговора в комнату вдруг поспешно вошёл здоровяк. Жена генерала знала, что этот человек — один из близкого окружения её мужа, но время было уже за полночь, и здоровяк вошёл без приглашения, а значит, наверняка её неблагоприятные догадки сбылись. Она в лёгком смятении глянула на мужа и дрожащим голосом спросила:

— Ты правда это сделал?

Шаншань Ху выглядел грозно, даже когда не гневался, его широкие брови стали подобны острию меча, он сказал тихим голосом:

— Я верен императорскому двору, но в этом деле мы не смогли договориться, поэтому мне пришлось немного выйти за рамки дозволенного.

Жена генерала больше ничего не стала говорить, а лишь молча вернулась в задние комнаты. У

неё больше не было мыслей заниматься подарками на именины вдовствующей императрицы.

— Командующий, вокруг имения прибавилось шпигов.

Только самые близкие подчинённые Шаншань Ху упорно продолжали звать его командующим, а не генералом. Пришедший здоровяк был один из самых близких людей, изначально без фамилии, простой сирота, он попался на глаза Шаншань Ху в заснеженном лесу, и тот взял его с собой, вырастил и дал фамилию Шаншань и имя По. Их отношения с генералом походили на то, какие были у самого Шаншань Ху с Сяо Энем, только помимо благоговейного почтения в них было больше тепла.

— Подождём Сяо Эня. — Шаншань Ху, непоколебимый, словно гора, сидел в кресле в полном спокойствии, без малейшего признака волнения.

Шаншань По ушёл выполнять приказ: наблюдать за происходящим рядом с имением и в то же время подготавливать дальнейшие маневры.

Прошло довольно много времени, прежде чем Шаншань По вернулся в заднюю комнату, встал на одно колено и глубоким голосом отрапортовал:

— Провал. — Его голос ни капли не дрожал, но каким-то образом в нём всё же можно было уловить горечь, которую не удалось до конца скрыть.

Правая рука Шаншань Ху упала на подлокотник кресла, он закрыл глаза и зажмурился; по краям глаз словно лепестки хризантемы появились морщинки, и только сейчас можно было узреть истинный возраст этого прославленного генерала своего поколения.

Он ушёл в задние комнаты и, посмотрев на беспокойно сидящую на постели жену, с улыбкой сказал:

— Уже так поздно, почему ты до сих пор не спишь?

Его жена немного обеспокоенно улыбнулась:

— Не могу заснуть.

Шаншань Ху нежно улыбнулся ей:

— Мы не уезжаем из столицы, идём обсудим, что дарить вдовствующей императрице на

предстоящие именины.

В самый тёмный час перед рассветом беспорядок, оставленный после побега, начали расчищать. Четыреста стражей в парчовых одеждах со всех сторон окружили дворик и начали молча рассредотачиваться по местам согласно должностным обязанностям. Сгоревшую повозку и трупы забрали специальные люди из контрразведки, и вскоре снизу всё снова затихло. Сильная государственная машина монархии при желании могла сокрыть даже такое громкое дело, словно его никогда и не было.

Раненые у задней стены стражи в парчовых одеждах всё ещё лежали на земле. Время от времени оттуда слышались сдавленные стоны. Взрыв, прогремевший там, действительно был мощным, большая часть людей сразу погибла, а даже если кому и посчастливилось выжить, то он тоже был весь покрыт пеплом, землёй и с лицом в свежей крови.

Как раз в это время пришли люди, чтобы забрать раненых стражей в парчовых одеждах в ямэнь в северной части города. Лекари тоже обеспокоенно следовали рядом. Длинная процессия из носилок с ранеными, словно гусеница со ста сочленениями, изгибая тело, ползла вперёд.

Фань Сянь осторожно лежал на ветке дерева, он постоянно поочерёдно то напрягал, то расслаблял все мышцы тела, чтобы от долгой неподвижности тело не занемело и не утратило скорость реакции. Глядя с дерева в переулок на этих раненых на носилках, он подумал, что если бы в своё время ему не нравились так «Молчание ягнят» и «Леон», то он, возможно, действительно позволил бы Сяо Эню сбежать.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3616270>